

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН

ИНФОРМАЦИОННЫЙ
ВЫПУСК № 116 (1722)

Серия

«ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ»

ВолНЦ РАН продолжает знакомить своих подписчиков с наиболее интересными, на наш взгляд, публикациями, затрагивающими актуальные вопросы российской экономики и политики.

В выпуске представлена беседа А. Гончарова с О. Четвериковой «Путь к цифровому слабоумию», опубликованная в газете «Завтра», № 41, октябрь 2019 года.

Вологда
октябрь 2019

Путь к цифровому слабоумию

В гостях у «Завтра» – Ольга Четверикова

«ЗАВТРА». **Ольга Николаевна, расскажите, пожалуйста, о вашей новой книге.**

Ольга ЧЕТВЕРИКОВА. «Цифровой тоталитаризм. Как это делается в России» – продолжение книги «Трансгуманизм в российском образовании. Наши дети как товар», и посвящена она ключевой, с моей точки зрения, сфере нашей жизни – системе образования.

Сегодня, когда происходит продвижение программы «Цифровая экономика», речь идёт всё больше не столько о новых технологиях, сколько об изменении сознания людей и установлении новой системы контроля. Взрослым изменить сознание трудно, поэтому концентрируются на детях, которым через изменение системы обучения внедряют иные смыслы, иные стандарты мышления и поведения. Уже многие родители видят углубляющуюся поколенческую пропасть. Трансформация образования сейчас входит в решающую стадию, поскольку основана на форсайт-проекте «Образование-2030», ставящем целью в 2022-2030 гг. вообще ликвидировать традиционные образовательные системы. Этот проект как раз и описан в книге «Трансгуманизм в российском образовании».

«ЗАВТРА». **Кто стоит за идеей цифровой экономики, кто её глобальные идеологи и теневые игроки?**

Ольга ЧЕТВЕРИКОВА. Российский проект «Цифровая экономика» является частью общемировой программы, за которую отвечает Всемирный банк.

Ключевые положения этого направления были изложены в книге «Четвёртая промышленная революция» Клауса Шваба, основателя Всемирного экономического форума в Давосе. Шваб подчёркивал, что «четвёртая промышленная революция», происходящая в сфере промышленного компьютеризируемого производства («индустрия 4.0»), ведёт к глубокой социальной трансформации общества, и в наибольшей степени уязвимым оказывается государство, которое вытесняется негосударственными структурами. Речь идёт как о наднациональных системах, так и о локальных сообществах, вплоть до отдельных групп лиц. В этих условиях государство должно согла-

ситься с тем, что в будущем оно станет всего лишь центром по оказанию услуг, а большинство его функций будет отдано иным структурам.

То же касается и системы образования, трансформация которой хорошо описана другим идеологом глобализма – Джереми Рифкиным в его книге «Третья промышленная революция». Поскольку процесс транснационализации является всеобъемлющим, он распространяется на все сферы, и происходит это в рамках ню-эйджевской концепции космического глобального разума. В таком ключе происходит внедрение цифровой экономики и в России.

Книга «Цифровой тоталитаризм» начинается с рассмотрения движения «Нью-Эйдж», являющегося преемником многовекового оккультизма. Кстати, о его влиянии у нас говорит, например, тот факт, что в конце ноября в Санкт-Петербурге состоится III Международный теософский конгресс, который пройдёт под эгидой Управления делами Президента России(!). Как указано, он призван содействовать утверждению в обществе системы духовных ценностей, основанной на идеях и принципах теософии, на основе которой и сформировалось движение «Нью-Эйдж».

Опасность в том, что создаётся общество, работающее по модели тоталитарной секты, в которой пытаются поставить под контроль все три силы человеческой души: чувства, волю и разум. Наиболее же эффективным способом управления, разработанным в западных «мозговых центрах» и «лабораториях мысли,» является провоцирование у людей чувства страха. Это достигается путём применения различных инструментов ментального контроля, а теперь и пси-террора, направленного на травмирование сознания, в результате которого происходит разрушение личности. Человек, впадая в состояние подавленности, отчаяния и безысходности, готов принять любой апокалиптический сценарий, который нарисуют ему сильные мира сего, навязывающие тотальную слежку, чипирование, полный отказ от права на личную жизнь и всё остальное.

«ЗАВТРА». **А кто у нас лоббирует эти идеи?**

Ольга ЧЕТВЕРИКОВА. Есть несколько социально-политических групп, которые проталки-

вают этот проект. И среди них мы не встретим представителей промышленности или сельского хозяйства, то есть людей, которые занимаются реальным производством.

Главную роль во внедрении цифровой экономики играют четыре социальные группы.

Первая – это «цифровые евангелисты» (по крайней мере, так они сами себя называют), которые отвечают за стратегическое направление: изменение сознания, внедрение цифровизации не только как политического и социального, но и идеологического проекта. К ним относятся работающие в Агентстве стратегических инициатив, Московской школе управления и фонде «Сколково», Высшей школе экономики и связанных с ними структурах. Эти люди привержены весьма своеобразной системе ценностей: то, что они делают, очень напоминает деятельность тоталитарных сект, в которых людей психологически программируют с помощью определённых речевых манипуляций, внедряя в подсознание ключевые положения, принимаемые без рационального осмысления.

Вторая группа «интересантов» – это представители финансового бизнеса. Не случайно, например, именно банкам поручено создавать биометрическую систему, в них концентрируется наибольшая информация о наших гражданах.

Третья группа – IT-компании. Причём российские IT-компании представляют собой, по сути, филиалы транснациональных цифровых корпораций и используют зарубежную технику. Поэтому их представители часто подчёркивают, что работают на международный рынок.

Наконец, это чиновничество, часть государственного аппарата, которая работает в интересах банков и IT-бизнеса. Наиболее ярко эта группа представлена руководством администрации Москвы, которое откровенно признаёт, что главным заказчиком и двигателем информационных технологий является госсектор, создающий новую систему управления. Опять же, в 2018 г. Москва не случайно заняла первое место в рейтинге ООН по индексам оказания электронных услуг.

В нашей стране очень мощный чиновничий аппарат, который фактически расчищает дорогу для IT-бизнеса и делает здесь то, что невозможно в других странах. И чем «эффективнее» работает бюрократический аппарат, тем больше становится поле деятельности для частного IT-бизнеса, кото-

рый, используя форму частно-государственного партнёрства, может со временем вообще вытеснить госструктуры и начать доминировать. Проявления этого мы уже видим во многих сферах. Поэтому у нас реализуются проекты, которые не могут себе позволить в западных странах.

«ЗАВТРА». Что именно, например?

Ольга ЧЕТВЕРИКОВА. Например, в 2018 году у нас обсуждали законопроект о роботах, подготовленный компанией Mail.ru Group, где впервые в мире был прописан статус робота как юридического лица. Этот законопроект даже представили в Госдуме. В силу серьёзной критики его там не утвердили, однако он никуда не делся.

Другой особенностью процесса цифровизации в России является то, что её сторонники постоянно апеллируют к некоей глобальной мессианской роли нашей страны: мол, мы должны представить миру нечто новое, и как раз цифровая экономика и искусственный интеллект якобы позволят нам это сделать. Можете почитать материалы Форума стратегических инициатив 2016 года, которое проводило Агентство стратегических инициатив (АСИ). Там состоялась презентация Национальной технологической инициативы, которую начали разрабатывать, когда против России стали вводить санкции. Тогда у нас впервые заговорили об импортозамещении, однако вместо программы реиндустриализации, предложенной РАН, была утверждена Национальная технологическая инициатива, разработанная АСИ и Российской венчурной компанией, нацеленная на создание ещё не существующих рынков в целях наращивания экспортного потенциала.

«ЗАВТРА». Какие ещё направления были представлены на этом форуме?

Ольга ЧЕТВЕРИКОВА. Это криптовалюты, новые персональные системы безопасности и, главное, так называемый «нейронет» – создание нового поколения Всемирной паутины на основе нейрокомпьютерных интерфейсов. Всё это, как мы видим, не связано с развитием реального сектора экономики и промышленности.

Но на первом месте – экспорт талантов. Таланты, в понимании цифровиков, – это люди, которые могут создать за короткое время новый и крайне прибыльный бизнес. Во-вторых, это создание новых технологий мышления. В-третьих, создание новых технологий образования. В-

четвёртых, игровая сфера, игротехника, игрофикация, и это было названо той сферой, где Россия, по их мнению, обладает стратегическим преимуществом. И, наконец, технологии безопасности. В целом там постановили, что миссия Россия заключается в формировании новых культурных кодов, благодаря чему наша страна сможет вырваться вперёд.

Интересные вещи о стратегиях будущего рассказывал Дмитрий Песков, спецпредставитель президента по цифровому и технологическому развитию. На одной из «Точек кипения» (так называется пространство коллективной работы молодёжи) им было сказано, что Россия должна создавать стартапы, но, поскольку народ ещё с трудом принимает эти новые формы, надо действовать постепенно, в том числе – учитывать православную культуру и создавать православные стартапы – «на вере и нейротехнологиях... к звёздам, на тяге к Родине, то есть на правильно понимаемой идее патриотизма» (его слова).

На форуме было чётко заявлено о новом понимании человека как виртуального существа. Именно под эту цель и верстается вся технология цифровизации. И именно в сфере образования активно работают все четыре вышеназванные группы, при этом особенно стараются банки и новые «евангелисты». Поэтому в образовательной сфере мы видим, например, присутствие Сбербанка.

«ЗАВТРА». Проект «Цифровая школа» – насколько это всерьёз и надолго, по вашему мнению?

Ольга ЧЕТВЕРИКОВА. Этот проект заслуживает самого пристального внимания. Он, кстати, имеет несколько параллельных названий: «Московская электронная школа», «Российская электронная школа»... Есть ещё и проект «Современная цифровая образовательная среда», продвигающий дистанционное обучение. Я полагаю, эти названия множат, чтобы у людей не было системного понимания происходящего.

У нас были программы, планы, был Госплан, наконец. А что такое проект? Это нечто, от чего можно отказаться в любой момент, но вместе с тем – то, чем можно оправдать любые эксперименты. То есть очень удобная форма. Вы обратили внимание, что сейчас везде используются слова «проект» и «стратегия»? Стратегии – это тоже общие вещи без конкретных планов.

У нас ещё сохранились госстандарты, но многие из них являются не обязательными к исполнению и понимаются очень широко. Сейчас ввели, например, стандарт цифровых учебников, но не ввели СанПиНы, и получается, что внедряют непроверенные технологии.

Главное же заключается в том, что «Цифровая школа» – это не столько образовательный, сколько социально-политический проект, который представляет собой механизм создания нового кастового общества, основанного на социал-дарвинистском, евгеническом принципе отбора или селекции. Цифровые технологии – только часть этого проекта, в реальности же речь идёт о трансформации самого процесса и содержания обучения, которая подразумевает натаскивание детей на узкоспециализированные навыки и раннее деление их на соответствующие карьерные группы, выйти из которых они уже не смогут. Когда нам говорят про обучение в течение всей жизни, речь идёт лишь о примитивном наборе навыков, которые могут меняться в зависимости от потребностей работодателя.

«ЗАВТРА». Меняют и систему оценок?

Ольга ЧЕТВЕРИКОВА. Да, вместо оценки знаний ученика вводится система оценки личности в формате индивидуальной траектории обучения. Это называется «Персонализированная цифровая платформа индивидуального обучения». Всё, что ребёнок делает: все его достижения, промахи и недостатки, – должны быть представлены в его «цифровом профиле» или «цифровом следе», как это теперь цинично называют. В данное электронное досье будет вноситься вся информация о детях – как позитивная, так и негативная. А дальше, поскольку собираются убирать ЕГЭ и пятибалльную систему и вводить многобалльную, выстраивается совершенно чёткая картина: ребёнка ведут по определённому каналу, определяя, куда этому ребёнку направляться и чем ему заниматься, и изменить данное положение уже будет нельзя.

Если в советское время все дети в рамках школьной программы получали одинаковый качественный минимум знаний, а дальше, в зависимости от своих способностей и склонностей, выбирали специализацию, то теперь профориентация начинается очень рано. И если человек с детства изучает только технические дисциплины, но не изучает гуманитарные или наоборот, то затем он уже вряд ли

сможет что-то изменить в своей судьбе, поскольку этого не позволит его «цифровой след».

В этом плане очень показательным весеннее выступление Сергея Собянина перед учителями. Мэр Москвы заявил, что одна из глобальных задач «Московской электронной школы» – это получение больших данных на ребёнка, создание большого массива информации, который надо обрабатывать и смотреть, как он пригодится ребёнку. А не так давно он уточнил, что персонифицированная платформа индивидуального обучения вводится потому, что дети обладают разными способностями – соответственно, отстающие и опережающие будут обучаться по-разному. А это, понятно, исключает возможность получения всеми общего необходимого базового образования. То есть мы видим, что «цифровое» обучение изначально мыслится кастовым.

«ЗАВТРА». Сейчас в школах оно вводится после 9-го класса?

Ольга ЧЕТВЕРИКОВА. Да, это и есть подготовка к более радикальному кастовому образованию. Ректор ВШЭ Ярослав Кузьминов уже рассказал, как они будут оценивать ребёнка. В электронные учебники будет встроен искусственный интеллект, который будет определять успеваемость ребёнка по результатам заданий и давать ему определённый алгоритм. Слабым – слабенькое, продвинутым – продвинутое, а учитель будет как бы тьютором. Это тоже одно из положений «Цифровой школы» – учителя будут освобождаться от рутинной работы. Провозглашают это люди, которые не понимают, что работа учителя и есть «рутина» – необходимое изо дня в день общение с каждым учеником, проверка домашних заданий, разъяснения, объяснения, исправления! Не понимающие этого профнепригодны, раз они всю данную работу – самую главную, требующую живого участия учителя, – перепоручают искусственному интеллекту!

Флагманом этого движения выступает «Московская электронная школа», о которой мы уже говорили. Её продвигает и щедро финансирует Департамент образования г. Москвы. Но те учителя, которые получают немалые деньги за внедрение цифровых технологий, становятся могильщиками своей профессии. Устранение учителей из школ уже происходит, скрывать этот процесс уже не получается, и поэтому, видимо, заинтересованные лица решили опередить наши возраже-

ния и публично озвучить свои цели, полагая, что сознание людей уже обработано и готово к некритичному восприятию. Хотя ещё несколько лет назад, когда Фонд Кудрина по развитию гражданских инициатив пытался внести на рассмотрение проект кастового образования на Дальнем Востоке, он не был утверждён из-за мощного родительского сопротивления. Там детей планировали разделить на четыре касты: промышленные рабочие, сельскохозяйственные рабочие, прислуга-обслуга и креативный класс.

Сегодня реанимируют тот же проект, только в более мягкой форме. То ли эти люди плохо знают историю, то ли считают, что мы уже забыли про подобные эксперименты.

Но главное – в другом. Сами «цифровики» подчёркивают, что цифровое общество – общество информационное, а значит, каждый из нас имеет возможность получить любую информацию в Интернете, найти документы, аналитические материалы, результаты обсуждения. Но почему-то они считают, что мы не обладаем нужной информацией и будем, как в доинтернетную эпоху, спокойно внимать их речам. А из этой информации видно, что в России реализуется вариант цифровой колонизации, и чем больше у нас внедряют «цифру», тем в большую зависимость попадают.

Когда знаешь, что у нас все сертификаты шифрования и «железо» зарубежные, должно, по идее, наступить отрезвление. Так же, как и от осознания того факта, что программа цифровой экономики спущена нам Всемирным банком и Консультативным советом по иностранным инвестициям (КСИИ), который является главной лоббирующей структурой и объединяет крупнейшие ТНК мира. Если представители КСИИ собираются раз в год в Горки-9 под председательством премьер-министра и обсуждают наши законы, нормативы создания благоприятного климата для иностранных инвестиций, то о национальном суверенитете говорить крайне сложно.

«ЗАВТРА». А на Западе есть кастовость в образовании?

Ольга ЧЕТВЕРИКОВА. Конечно, и это особенно характерно для Англии. Не секрет, что эта страна – родина расизма, поэтому и элита воспитывалась там как раса господ. Не случайно Гитлер при создании Третьего рейха брал пример с англичан. Есть неплохая книга «Английские корни

немецкого нацизма», в английском варианте она по-другому именуется, но смысл названия именно такой. В Британии все учебные заведения создавались под определённый социальный состав учащихся, поэтому там сохранились школы для элиты и классические гимназии, абсолютно закрытые для «цифровых» инноваций. А для широких слоёв населения (не забываем про интенсивный процесс миграции!) вводится примитивная цифровая школа. Так же и ЕГЭ вводилось изначально в США для детей с признаками умственной отсталости.

Важно также отметить, что в Европе есть школы различных религиозных сообществ: например католические, лютеранские и другие, – которые жёстко придерживаются собственных стандартов и не внедряют цифровые технологии. Особенно это касается иезуитских школ.

У нас же была универсальная советская школа, обязательная для всех учащихся, она обеспечивала высокий уровень образования. И теперь, пользуясь нашим советским тезисом, что школы должны быть одинаковыми, лоббисты «цифры» вводят единообразную цифровую школу, хотим мы этого или не хотим. Даже в православных гимназиях навязывают цифровую концепцию. Хитрость состоит в том, что открыто провозгласить эту кастовость «цифровики» не могут, поэтому новшество они вводят опосредованно, дифференцированно, лицемерное прикрывая его заботой о сохранении и развитии индивидуальности каждого ребёнка.

Но они игнорируют, что есть определённые этапы в формировании когнитивных функций у детей. Это очень сложный и долгий процесс, о котором знают педагоги. Нельзя на ранних этапах определить, кем станет ребёнок. Тем более, что цифровой подход не выявляет способности, а направляет людей в заданном направлении, вписывая их в жёсткие рамки. Так, Собянин, обосновывая индивидуальное обучение, заявил, что все дети обладают разными умениями и навыками. Но ведь это не так – с навыками и умениями не рождаются, им обучают! Чему научишь – то и будет. Так что одних будут превращать в людей «одной кнопки» (термин «цифровика» Дмитрия Пескова), а других – в разработчиков этих кнопок.

Причём детям «одной кнопки» уготована судьба «недочеловеков», обслуживающего персо-

нала. Хотя в «Атласе новых профессий», составленном «цифровиками», говорится об «архитекторах виртуальных миров» и других красиво звучащих специальностях, в реальности в эпоху интернет-торговли мы видим куда больше курьеров, число которых растёт очень быстро. Цифровое образование нужно для взращивания будущих курьеров, потому что курьер мыслит в суженном диапазоне, где главное – выполнение двух-трёх примитивных функций.

Но параллельно с этим создают и специальные заведения для «элит», которые функционируют на основе совершенно других принципов, – это школы для детей богатых родителей, к которым не применяется цифровизация.

«ЗАВТРА». На Западе как-то пытаются сопротивляться цифровизации образования?

Ольга ЧЕТВЕРИКОВА. Поскольку в Европе система складывалась очень давно, она консервативна, там элита контролирует эти процессы и сохранила для себя сегмент, который позволяет образовывать часть детей в нужном русле. А основное население размыто новыми этническими потоками. Сопrotивляться могли бы коренные европейцы, с их богатым опытом профессионального объединения и политической борьбы, но не мигранты, которыми очень легко управлять и которых очень легко направлять.

Однако в среде европейских интеллектуалов есть попытки начать обстоятельный разговор об опасных сторонах цифрового обучения. Там появилось достаточно много литературы о вредных последствиях цифровой школы, в частности – об электромагнитном излучении. Эта тема у нас почти не поднимается, а во Франции, например, есть закон 2015 года, по которому Wi-Fi пытались запретить во всех детских образовательных учреждениях, но запрет удалось «продать» лишь для дошкольных учреждений. У нас нет и этого.

Кроме электромагнитного излучения, есть и другой опасный аспект – последствия использования компьютерных технологий для развития мозга. Речь идёт о «цифровом слабоумии». Термин уже закрепился, а ввёл его в оборот немецкий учёный Манфред Шпитцер, написавший одноимённую книгу. Это директор психиатрической клиники, нейрофизиолог, который рассказал, что происходит с мозгом ребёнка при компьютерном обучении, уделив особое внимание атрофии опре-

делённых участков мозга и цифровой зависимости, избавиться от которой можно только путём длительной реабилитации. Вывод Шпитцера следующий: нет ещё ни одного исследования и нет ещё ни одного результата использования компьютерных технологий, которые подтвердили бы их педагогическую пользу. Они, по его словам, нужны в обучении, как велосипед в бассейне.

«ЗАВТРА». А есть ли попытки подстроить наше законодательство под процесс цифровизации?

Ольга ЧЕТВЕРИКОВА. Разумеется! Сегодня вся законодательная база подстраивается под новые информационные технологии, хотя это ведёт к изменению всей системы управления обществом. И, поскольку у систем электронного управления есть определённый алгоритм, призванный управлять объектами, а человек остаётся человеком и не собирается превращаться в объект (как того желают цифровики), то, видимо, предусмотрено вообще исключить понятие «человек» из документов и заменить его понятием «биологический объект», что, кстати, уже зафиксировано в одном из документов Минкомсвязи РФ. Но тут они сталкиваются с колоссальной правовой проблемой, потому что есть Конституция и есть законы, в которых закреплены права гражданина, понимаемого как человек, а не как «биологический объект». Значит, надо поменять и значение слова «гражданин», и всю правовую систему. Кстати, потому и хотят придать роботу статус юридического лица. На самом деле это не очеловечивание робота, а роботизация человека.

И мы можем много говорить о цифровой экономике и прочих внешних формах, но ключевым фактором остаётся то, что современные концепции меняют понимание и статус человека, причём такая тенденция задаётся западными центрами управления.

Определение «кастовое общество» не вполне верно описывает ситуацию, поскольку сейчас речь идёт о двух разрядах людей: «избранные» начинают рассматривать себя принадлежащими к качественно иной социальной категории, а прочих называют «человеческим ресурсом». Мы слышим постоянно: «человеческий капитал», «человеческий ресурс», в то время, как такие понятия, как «человек», «личность», «человеческое достоинство» исчезают. Так что вопрос в том, успеют ли люди, наконец, проснуться?

«ЗАВТРА». А как вы относитесь к утверждению, что цифровизация, идущая по всему миру, – это неизбежный процесс, к которому лучше подключиться как можно раньше, чтобы не «отстать навсегда»?

Ольга ЧЕТВЕРИКОВА. Я обычно спрашиваю людей: что вы имеете в виду под словом «цифровизация»? Ничего конкретного не отвечают, какая-то аморфность и пустота сразу проявляются. Ситуация в чём-то напоминает то, что произошло с девочкой из документального фильма 60-х годов, снятого психологами. Там пяти детям дают сладкую кашу, а одной девочке – горькую. Все дети говорят, что каша сладкая, и когда доходит очередь до этой девочки, она тоже говорит, что сладкая, хотя ей горько.

У нас не принято рассматривать цифровизацию критически, словно пропало само стремление и способность осмысления действительности. Нам надо определяться с терминами и понятиями. Если открыть текст программы «Цифровая экономика Российской Федерации», там можно, например, прочитать, что это такая экономика, фактором производства которой становятся большие данные. Кто-то что-то тут понимает? Как большие данные могут помочь нам добиться первого места по станкостроению, если у нас более 80% станков импортные? Или в машиностроении, в других ключевых сферах промышленности? Разумеется, никто не выступает против новых технологий, которые реально помогают развивать производство, производить качественные продукты питания, например. Но мы видим, что цифровизация в России реализуется в первую очередь в тех сферах, где можно установить контроль за сознанием и поведением человека...

Опять же, одним из главных направлений Национальной технологической инициативы назван «нейронет». А ведь «нейронет» – это управление мозгом, сознанием детей. Все эти разработки готовятся якобы для того, чтобы облегчить детям обучение и сделать их, простите, «более продвинутыми». То есть сначала опускают обучение до уровня плинтуса, а потом предлагают использовать «шлемофоны» с целью шевелить какие-то мозговые клетки у детей, чтобы они лучше соображали! А не лучше ли обучать их классическому письму, чтению, русскому языку, литературе, математике, истории, географии?

Я не против новейших технологий, но уже очевидно, что вместо средства облегчения учебного процесса они превращаются в инструмент управления и дебилизации. Искусственный интеллект сегодня возведён в самоцель, человека хотят исключить из всех сфер. Только вот зачем замещать живых учителей искусственным интеллектом? Зачем заменять преподавателей дистанционным образованием? Затем, что крупный IT-бизнес делает на этом большие деньги? Люди заболели цифрой, и эта цифровая одержимость препятствует нормальной человеческой мысли. Нам надо распутать этот клубок и вернуться к трезвомыслию.

«ЗАВТРА». Ольга Николаевна, не является ли тотальный сбор информации и прочие манипуляции с информацией, включая образовательную систему, нарушением свободы личности? С юридической точки зрения можно этому воспрепятствовать?

Ольга ЧЕТВЕРИКОВА. Мы направили обращение в Генеральную прокуратуру, в котором описали семь направлений проекта «Цифровая школа», по которым грубо нарушаются законы и Конституция России. Проблема национальной безопасности была там выделена отдельным пунктом, потому что «Цифровая школа» позволяет создавать досье на наших детей, включая сугубо конфиденциальную информацию, касающуюся и родителей, которая может оказаться в открытом доступе. Я уж не говорю про камеры со способностью «брать» биометрию в некоторых школах.

Недавно Сергей Собянин заявил, что в Москве будет создана одна из самых масштабных систем распознавания лиц, и в этой части мы будем даже конкурировать с Китаем, где сейчас установлено около 170 миллионов видеокамер, связанных в единую сеть. То есть тут замешаны интересы огромного рынка. В России этим бизнесом занимается компания VisionLabs, 25% акций которой недавно купил Сбербанк, то есть Сбербанк специализируется на создании базы персональных данных и ввёл свою собственную единую биометрическую систему (ЕБС).

Думаю, наиболее эффективными способами противостояния этому должны стать не просто возмущённые письма, а оглашение объективной информации о том, куда именно уходят данные наших детей, кто именно несёт за это ответственность и кто является главным заинтересованным лицом, учитывая, тесные связи с зарубежными IT-«партнёрами». Например, юристы и специалисты по безопасности, рассмотрев, какие фирмы и компании курируют электронные дневники, установили, что они зарегистрированы в оффшорных зонах. Особый интерес представляет изучение устройства Единой системы идентификации и аутентификации (ЕСИА) и тех, кто оказывает ей консалтинговые услуги. Это очень серьёзный вопрос. Даже дети работников спецслужб оказываются открытыми в этих больших данных, если уж говорить о национальной безопасности совсем конкретно. Это нужно внимательно отслеживать и информировать широкую общественность.

Беседовал Алексей Гончаров